

УДК 316. 25

КОНЦЕПТ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

© 2012 г.

О.С. Елфимова

Тюменский госуниверситет

elfimova28@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.06.12

Рассматриваются теоретико-методологические подходы к исследованию проблемы безопасности. Автор на основе анализа теоретических концепций «позднего модерна» представляет концепт онтологической безопасности Э. Гидденса, а также раскрывает представления о безопасности, доверии и риске в трудах У. Бека, Н. Лумана и П. Штомпки.

Ключевые слова: модерн, безопасность, онтологическая безопасность, экзистенциальная безопасность, доверие, риск.

За последние три десятилетия в западной теоретической социологии создан ряд оригинальных, хорошо развитых концепций современности. Среди основных вопросов этих теорий находятся цивилизационные противоречия человеческого сообщества, связанные как с поиском решения глобальных проблем своего существования, так и с превращением современных обществ в общество риска или, как справедливо замечает А.Ш. Викторов, в общество, создающее и воспроизводящее небезопасную среду обитания [1, с. 23]. Радикальные социальные трансформации конца XX в. сопровождаются фундаментальными сдвигами в отношениях между людьми, в отношении человека к самому себе и ко всему окружающему, что оказывает существенное влияние на условия и механизмы обеспечения стабильности и безопасности. В связи с этим появилась необходимость новой рефлексии современных социальных процессов в контексте безопасности, что способствовало актуализации научных представлений о данном феномене социальной жизни. Определенные теоретико-методологические подходы к исследованию безопасности в обществе «позднего модерна» (late modernity) или «высокого модерна» заложены в трудах Э. Гидденса, У. Бека, Н. Лумана, П. Штомпки.

В ходе анализа установлено, что ключевыми в определении основных черт современности являются такие однопорядковые явления, как доверие, риск, опасность, неопределенность, безопасность. Польский социолог П. Штомпка указывал на то, что «современная социология полагает новые формы доверия и недоверия,

риска и безопасности в ходе глобализации главным признаком нашей эпохи» [2, с. 596–599]. Э. Гидденс полагал, что «жить в эпоху «поздней современности» – значит жить в мире случайности и риска...». Рассматривая современность как «сокрушительную силу», направление и движение которой контролировать невозможно, он замечает, что «мы никогда не будем чувствовать себя в полной безопасности, поскольку местность, по которой проходит этот путь, чревата весьма существенными рисками» [3, с. 107]. Немецкий социолог У. Бек вводит в научный обиход термин «общество всеобщего риска» («world risk society»), понимая под ним модель современного мира. Увеличение неопределенности социальных событий как характеристика эпохи также отмечается в трудах многих исследователей. Мы полагаем, что концептуальные подходы к интерпретации безопасности в теориях модерна должны учитывать взаимосвязь или противопоставление понятий: доверие/недоверие – безопасность/небезопасность; риск (опасность)/неопределенность – безопасность / небезопасность.

Доверие – один из важнейших факторов и императив социокультурного существования. Значимость доверия заключается в поддержании целостности систем, когда оно выступает средством саморегуляции, устойчивости, стабильности и управления. Следовательно, можно утверждать, что доверие положительно коррелирует с императивом безопасности. По мнению основателя научной школы социологии безопасности в России В.Н. Кузнецова, доверие является важнейшей категорией для методоло-

гического осмысления феномена безопасности и понимается им как фактор геокультурного развития (исследователь считает геокультурный подход к социологическому изучению безопасности наиболее динамичным и перспективным), отражающий состояние мировосприятия человека, конструктивной коммуникации между людьми, между акторами и институтами, между человеком и властью, между народами и государствами для достижения согласия и необходимых компромиссов [4, с. 49]. Тема доверия как важнейшего ресурса безопасности или как фактора безопасности получила развитие в работах и других отечественных ученых [5-6].

Одним из первых на связь безопасности и доверия обратил внимание британский социолог Э. Гидденс, сформулировав в своей теории структурирования концепт онтологической безопасности. Э. Гидденс относит онтологическую безопасность к важнейшим терминам своей теории и определяет ее как «конфиденциальность или доверие, которые являют собою природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности» [7, с. 499]. В этом определении олицетворяется уверенность людей в преимственности их самоидентификации и в постоянстве окружающего социального и материального мира, в котором они действуют. По убеждению социолога, онтологическая безопасность представляет собой одну из форм ощущения безопасности в широком смысле этого слова.

Основа для концепции была заимствована Э. Гидденсом в работах Э. Эриксона [8], хотя само понятие введено Р. Лэнгом [9, с. 33], британским психиатром-экзистенциалистом, основателем движения «антипсихиатрия». Предложенный им термин «ontological security» переводится на русский язык как «онтологическая уверенность» или «онтологическая безопасность» и трактуется как особого рода переживание, включающее целый спектр частных переживаний, относящихся к бытию в целом и его «составляющим»: собственному «Я», телу, миру и людям.

Ф. Кассель, один из последователей и пропагандистов творчества Э. Гидденса, дает такие комментарии по поводу онтологической безопасности: «это психологическое состояние, эквивалентное ощущению себя «как дома» с самим собой и с окружающим миром, и это связано с опытом управляемого уровня тревоги. Актеры будут опираться на правила и мобилизовать ресурсы на повторение рутинных действий для нахождения комфорта: просыпаться в одно и то же время каждый день; надевать

одежду в определенном порядке ... и т. д. каждый день. Сбой программы, как правило, будет восприниматься как тревога, и они позаботятся обеспечить предсказуемость развития событий» [10]. То есть существование человека в мире – это не просто принятие или восприятие реальности, а создание онтологических рамок повседневности.

В современных отечественных социологических словарях нечасто можно встретить определение понятия «онтологическая безопасность». Ряд определений представлены в переводных изданиях [11–12]. В одном иностранном интернет-издании социологического словаря предлагается определение онтологической безопасности (ontological security/insecurity) исходя из того, что это теоретическая концепция теории структурирования Э. Гидденса, и далее поясняется: «Онтология обращена к изучению Бытия, а именно представлению о том, что человеческая жизнь отличается от всех остальных форм существования в силу наличия смысла... Данная характеристика осмысленности означает, что реальность, в которой живет человек, изменчива. Эта внутренняя изменчивость порождает бессознательную потребность в онтологической безопасности – чувстве веры в привычность человеческого мира. Данная потребность побуждает человека к рутинизации и регионализации своих практик» [13]. Чувство доверия и ощущение собственной аутентичности, верности своему «Я» положено в основу понимания «онтологической безопасности» в статье Н.М. Мамедовой [14, с. 35]. Таким образом, сущность онтологической безопасности в обобщенном виде предполагает ощущение упорядоченности и правильности жизни, уверенности и преимственности в отношении к опыту человека, чувство доверия и способность людей придать смысл своей жизни, рутинизировать ее.

Онтологическая безопасность поддерживается прежде всего благодаря рутинным практикам повседневной жизни. Рутинность ежедневного существования составляет большую часть социальных действий и подразумевает способность индивидов рутинно и без особой суеты поддерживать «теоретическое понимание» оснований своей деятельности. Э. Гидденс подразумевает под рутинизацией «привычный, воспринимаемый как данное характер большинства социальных действий; преобладание привычных стилей и форм проведения, управляющее ощущением онтологической безопасности, равно как и управляемое им» [7, с. 501]. Существование общего знания и потребность в онтологической безопасности способствует производству предписанных

образцов в социальной жизни. Образцы поведения повторяются, и таким образом структуры общества, социальная система и институты воспроизводятся. Для досовременных обществ онтологическая схема задавалась традицией, передачей опыта внутри семьи, клана, сообщества (накопленный жизненный опыт старших поколений служил основой для решения практических задач молодежи), следовательно, для поливариантного будущего не оставалось возможностей. Этот социальный механизм был достаточно эффективен в условиях постоянства социальной среды (за исключением последних 200 лет люди жили в условиях, когда быт детей был практически таким же, как быт родителей) и закреплялся традиционным доминированием старших, а также всеми общественными порядками и церемониями. Нарастание социальной динамики, связанное с развитием человечества в условиях научно-технического прогресса, делает во многом опыт предыдущих поколений бесполезным и приводит к вытеснению традиционных механизмов обеспечения онтологической безопасности новыми, характерными для позднего модерна. Непредсказуемые обстоятельства могут нарушать сущность рутинности, разрушая при этом целостность и устойчивость институционализированных образцов социального поведения, в результате возникает «критическая ситуация», которая в свою очередь приводит к ощущению «онтологической ненадежности». В качестве примера Э. Гидденс описывает опыт исследования заключенных концентрационных лагерей. Для узников чувство повседневной рутинности мирной жизнедеятельности исчезает, и это приводит к разрушению «фундамента базисной системы безопасности и доверия к другим и окружающей действительности» [7, с. 114–115].

«...Практическое сознание, вплетенное в рутины повседневности, в когнитивном и эмоциональном планах является основным генератором того чувства онтологической безопасности, которое обычно испытывается людьми и антонимом которого является экзистенциальный ужас, рождаемый столкновением с хаосом. Обладать чувством онтологической безопасности означает, – указывает Э. Гидденс, – располагать на уровне непосредственного практического сознания «ответами» на основные экзистенциальные вопросы, неизбежно встающие перед каждым человеческим существом: о конечности человеческой жизни, о сосуществовании с другими, об обеспечении непрерывности личностной идентичности и др. [15, с. 100]. Данное замечание Э. Гидденса позволяет нам определить четыре компонента онтологической безопасности: ру-

тинная практика социальных действий; вопрос конечности человеческой природы и осознание человеком своей конечности; интересубъективность; становление самоидентичности.

В последние несколько лет некоторые западные ученые стали экстраполировать концепцию онтологической безопасности (хотя отношение к этому неоднозначное) на уровень племен, наций и иных коллективов на том основании, что, как и человеческие существа, каждый «коллектив» стремится поддерживать ощущение собственного «я» и собственной ценности за счет устойчивых взаимоотношений с другими и рутинных моделей поведения [16]. Научный директор Датского королевского колледжа обороны Ф.С. Хансен, выступая с докладом «Россия и поиски онтологической безопасности» в ноябре 2010 года в Московском центре Карнеги, также допускает такую возможность. Для подтверждения своей позиции он, например, объясняет арабо-израильский конфликт как столкновение сообществ, стремящихся сохранить собственные представления о себе. «Каждая сторона определяет себя в противостоянии другой: их существование основывается на устойчивых конфликтных отношениях, которые приобрели характер рутинной поведенческой модели. Однако, в отличие от индивида, самоидентификация страны диктуется ее историей и прежними идентичностями. Национальная идентичность постоянно меняется», – указал Ф.С. Хансен. Другой пример он берет из российской действительности. Так, популярность и успех В.В. Путина оценивается им в контексте его способности обеспечить для России онтологическую безопасность. «Путин В.В. укрепляет ощущение собственного «я», выводя страну из-под «диктата» Запада с его попечением и предписаниям». И далее Ф.С. Хансен замечает: «...поскольку Россия сегодня строит свою онтологическую безопасность, Западу необходимо наладить с Москвой конструктивный диалог, нацеленный на укрепление доверия. Только доверие и принятие идентичности друг друга позволит обеим сторонам укрепить свою онтологическую безопасность в такой степени, чтобы они могли успешно сосуществовать и сотрудничать» [17].

Необходимым условием и решающим фактором в поддержании онтологической безопасности в современном мире становится доверие. Его отсутствие приводит к экзистенциальному страху или ужасу. Заимствовав у Э. Эриксона термин «базовое доверие» (basic trust), Э. Гидденс рассматривает его в качестве ядра онтоло-

гической безопасности. Базисное доверие формируется в первые годы жизни ребенка и в дальнейшем поддерживается механизмами рутинизации человеческого поведения, благодаря чему индивиды от одной ситуации к другой несут на себе своеобразный «защитный кокон». Доверием могут облекаться либо люди, либо абстрактные системы. В первом случае доверие построено на личностных обязательствах и предполагает существование некоторых индикаторов единения, сотрудничества. Во втором случае доверие оказывается абстрактными системами, принимая форму безличностных обязательств, которые у обычного человека поддерживаются знанием о существовании областей, в которых он не разбирается. В условиях модерна абстрактные системы проникают во все аспекты социальной жизни и получают универсальное развитие. Под абстрактными системами Э. Гидденс понимает символические знаковые системы (например, средства политической легитимации, деньги, удостоверения и дипломы) и экспертные системы, определяемые как «системы технического выполнения или профессиональной экспертизы, организующие обширные области материальной и социальной среды, в которой мы сегодня живем» [18, с. 140–141]. Необходимо отметить, что именно доверие к абстрактным системам выполняет важнейшую функцию в обществе позднего модерна, обеспечивая ощущение относительной безопасности повседневных отношений. Но могут возникнуть обстоятельства, при которых доверие отсутствует, появляется недоверие, и чувство онтологической безопасности с присущей ему рутинизацией существенно трансформируется. В отношении абстрактных систем недоверие означает определенную долю скептицизма или проведение активной ревизии знаний о мире, то есть, это явление рефлексивности, которое присуще современности. Колебания от сомнения, недоверия к доверию заставляют индивида оценивать будущее в терминах риска, выгоды, полезности.

Как известно, в теориях позднего модерна современное общество характеризуется как рискогенное, то есть, риск есть постоянно действующий социальный факт. У. Бек обращает внимание на то, что в модели современного мира «логика производства богатства» и способы его более справедливого распределения заменяются «логикой производства риска» [19, с. 14, 21], или, как верно отмечает А.Ш. Викторов, формируется небезопасная культура взаимоотношений [1, с. 23]. А это чревато воспроизводством многочисленных антагонизмов на разных

системных уровнях, дезорганизацией и разрушением системы в целом. Рискогенная среда позднего модерна постоянно умножается ростом знания, технико-технологическими и институциональными сдвигами. Человечество, осознавая существование различных видов риска, начинает осознавать проблематичность того, что эти риски могут быть преобразованы в надежность (безопасность) и ограниченность возможностей экспертных систем бороться с этими рисками. Доверие в этом случае является необходимым условием нейтрализации или минимизации определенного комплекса опасностей в пределах так называемого допустимого или приемлемого риска. Сохранение «приемлемого риска» в отношениях доверия объясняется наличием некоей неопределенности в том, что ожидания неких действий со стороны других людей или институтов будут реализованы в полной мере. Достижение безопасности возможно при условии равновесия доверия и приемлемого риска. И как факт, и как опыт безопасности может соотнести с большими совокупностями или коллективам людей вплоть до глобальной безопасности включительно или к индивидам [18, с. 152–153].

Продолжая тему безопасности, У. Бек рассматривает ее как нормативный и движущий принцип общества риска. Безопасность, подобно воде или электричеству, становится одним из важнейших социальных благ. «Место ценностной системы общества “неравенства” занимает, таким образом, ценностная система “небезопасного” общества. Если утопия равенства содержит в себе множество содержательно позитивных целей общественного развития, то утопия безопасности, собственно, остается негативной и оборонительной: в принципе речь здесь идет уже не о том, чтобы добиться чего-то “доброе”, а чтобы избежать худшего. Мечта классового общества звучит так: все хотят и имеют право получить часть общего пирога. Цель общества риска: всех необходимо уберечь от ядовитых веществ», – замечает У. Бек [19]. И так, в классической современности люди достигали солидарности в поисках позитивной цели равенства, в развитой современности попытка достижения этой солидарности обнаруживается в поиске во многом негативной и оборонительной цели избавления от опасностей.

В концепции еще одного крупнейшего социального теоретика Н. Лумана доверие предстает как механизм снижения неопределенности и риска. Доверие является необходимым условием развития современных обществ из-за их сложности, непрозрачности, из-за неуверенно-

сти, охватывающей более широкие сферы, и преобладающего риска – так писал он в книге «Доверие и власть», то есть, доверие как «универсальный социальный факт» необходимо для создания стратегии надежности, определения ее запасов, хотя и при наличии элементов взаимного риска [20, с. 183, 184]. Особенность подхода Н. Лумана состоит в выделении «различия различий» в категориальных парах «риск/опасность» и «риск/надежность» (Sicherheit), которые построены асимметрично. Солидаризуясь с О.Н. Яницким, считаем возможным дихотомию «риск/надежность» обозначать и интерпретировать как «риск/безопасность» [21, с. 9].

Тожественность значений понятий риска и опасности в английском варианте не позволяют Н. Луману выявить между ними существенные отличия. Различать эти понятия он предлагает по шкале «настоящее-будущее» относительно будущего ущерба. Если причины ущерба (любого, не обязательно материального) связывают с окружающим миром, то речь идет об опасности. Опасность является продуктом среды и относится к объекту. Риск связан со сферой субъекта (индивида или социального института), активно относящегося к миру и принимающего решения. О риске же говорят, когда может быть принято решение, без которого не возникло бы ущерба [22, с. 16]. Причем решение по снижению риска для Н. Лумана также является риском. Соответственно если решение принимается, то риска не избежать. Любое решение, принимаемое в современном обществе, влечет за собой риск. Таким образом, в «различении» категориальной пары «риск/надежность» определенную роль играет решение. Применительно к обеим категориальным парам различий Н. Луман высказывает эвристическое утверждение, что свободного от риска поведения не существует [22, с. 155]. Это означает, что абсолютной надежности или безопасности также не существует. «Современное рискоориентированное общество» предполагает «расширение исследовательских возможностей и знаний». Но даже новое знание не увеличивает вероятность перехода от риска к безопасности. Напротив, чем лучше мы знаем то, что мы не знаем, тем более глубоким становится наше осознание риска. Чем более рациональными и детальными становятся наши вычисления, тем больше аспектов, включающих неопределенность по поводу будущего и, следовательно, риска, попадает в поле нашего зрения.

В конце 90-х годов XX века П. Штомпка представляет свою попытку синтетической формулировки социологической теории доверия, в основе которой два компонента – ориен-

тация любого действия на будущее и ставка, в момент которой человек принимает решение доверять/не доверять тем или иным действиям наших партнеров. Доверие/недоверие, по П. Штомпке, может быть направлено на разные объекты. Доверие, направленное по адресу целой социальной системы и ее участников (по отношению к социальным системам, порядкам и режимам), или системное доверие, создает ощущение экзистенциальной безопасности и «основано на убеждении в эффективности, добротности, справедливости общественно-политической системы или строя, в котором мы живем» [2, с. 328–329, 343].

Тенденция к оказанию доверия или недоверия может приобрести групповой, общественный характер, формируя в обществе некую господствующую «атмосферу» или «климат» доверия/недоверия. В таком случае складывается либо «культура доверия» как «всеобщее доверие, охватывающее всю группу и трактуемое как обязательное правило поведения», либо формируется «культура недоверия» или цинизма как распространенная общая подозрительность по отношению к людям и институтам, заставляющая постоянно контролировать их действия в страхе перед обманом, превышением полномочий, заговорами, тайными действиями. Д. Данкин подчеркивает, что в таком определении культуры доверия и недоверия очевидна связь с восприятием безопасности или угроз [5, с. 497]. Согласно П. Штомпке, «создание санкционированного общего культурного «климата» доверия или недоверия имеет огромное значение для развития общества». Культура доверия «способствует открытым, спонтанным действиям инновационного характера, поднимает уровень мобилизации, активности, свободы общества, стимулирует интенсивность взаимодействий, усиливает социальные связи, приводит к формированию шкалы общностей и тем самым к развитию потенциала самореформирующегося общества, его субъективности» [2, с. 334, 340–341].

Для появления «культуры доверия» должны быть структурные возможности, генерирующие доверие или недоверие. П. Штомпка называет пять макросоциетальных обстоятельств (факторов): 1) нормативная стабильность / нормативный хаос (аномия); 2) прозрачность социального порядка / неясность, скрытость политических и экономических структур; 3) прочность социального порядка / расплывчатость; 4) подчинение властей законам / произвол и безответственность; 5) реализация прав и строгое исполнение прав граждан / бессилие, бесправность граждан и насилие со стороны власти.

Проблема безопасности в контексте анализа вышеперечисленных факторов может быть раскрыта следующим образом. Если система социальных правил хорошо разработана, «возникает ощущение порядка, возможности предвидеть, управлять процессами и чувство экзистенциальной безопасности». На основе этого появляется общее доверие инструментального эффективного типа – «ожидание того, что система будет функционировать нормально, без сбоев и что это будет касаться как системы в целом, так и отдельных институтов, ролей или личностей. Если к тому же суть правил, предлагаемых законодательством, моралью, обычаями, гарантирует справедливость, социальную безопасность, защиту граждан, права человека и т. п., формируется также общее доверие аксиологического (аксиологические ожидания касаются самой сути, качества действий и их правильности) или опекунского типа (ожидания проявления чьей-то заботы или помощи). Доверие и безопасность зависят от степени прозрачности общественной организации: «если процесс развития, смысл существования, основы действий, компетенция и достигаемые институтом результаты хорошо видны, легко обозримы и понимаемы, доступны контролю, мы чувствуем себя в безопасности и наделяем такие институты доверием» [2, с. 335]. И напротив, противоположные процессы и действия вызывают естественную реакцию общего недоверия, состояние небезопасности.

Прочность и неизменность социального порядка обеспечивает ощущение экзистенциальной безопасности, выраженное в общем доверии. П. Штомпка обратил внимание на то, что климат доверия и экзистенциальная безопасность в обществе нарушаются в период радикальной реорганизации политических и социальных институтов. Он вводит в социологический обиход понятие «травмы трансформации», то есть социальной (культурной) травмы как проявления в сознании людей дисфункциональных последствий от коренных социальных изменений, драматично сказавшихся на их жизни. Культурная травма разрушает привычное ощущение экзистенциальной безопасности (порядок, привычка, повторяемость, продолжительность, стандартизация, предсказуемость само собой разумеющаяся) заменяется на общее недоверие (ощущение небезопасности, раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире) [23, с. 6–7].

Ощущение безопасности и общего доверия связано с уверенностью в том, что власть подчиняется законам, а содержание решений, кото-

рые она принимает, справедливые и направлены на благо граждан, существует надзор и контроль за чиновниками и возможность апелляции. Таков четвертый фактор. И наконец, эффект безопасности связан с реализацией и строгим исполнением прав граждан соответствующими институтами (суды, трибуналы, арбитраж, прокуратура, полиция), их действия для этого должны быть быстрыми, правильными, справедливыми. Члены общества должны чувствовать себя в безопасности от произвола, превышения прав, обмана, преступности.

Итак, культура доверия повышает нормативную стабильность, прозрачность социальных организаций, прочность общественного строя (порядка), ответственность властей, соблюдение прав и обязанностей, способствует консолидирующей цели безопасности.

Социологическое знание о безопасности в западных теориях о современности не сложилось в особое направление научного анализа. Безопасность находится как бы в тени общетеоретических представлений о личности, обществе, социальной жизни и др. Вместе с тем теоретико-методологические подходы западной социологической мысли к разработке проблем безопасности, несомненно, обладают рядом общих универсальных теоретических положений. В социологической науке несколько десятилетий назад появляется самостоятельное и перспективное, но еще слабо разработанное направление – социология безопасности, ориентированное на теоретические и эмпирические исследования состояния и динамики обеспечения безопасности человека, общества и государства, современной цивилизации [4, с. 230]. Таким образом, концепт безопасности нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении с учетом современного социокультурного развития государств, а также с учетом современных угроз, рисков и опасностей.

Список литературы

1. Викторов А.Ш. Введение в социологию безопасности: Курс лекций. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 568 с.
2. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 2008. 664 с.
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
4. Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учеб. пособие. М.: КДУ, 2009. 422 с.
5. Данкин Д. Культура доверия как важнейший ресурс безопасности // Безопасность Евразии. 2005. № 4. С. 491–503.

6. Жбанков А. Доверие как фактор безопасности // *Власть*. 2010. № 8. С. 19–21.
7. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проспект, 2005. 528 с.
8. Эрикссон Э. Детство и общество. СПб., 1996. 590 с.
9. Лэнг Р. Расколотое «Я». СПб.: Белый Кролик, 1995. 352 с.
10. Dzielbel G. On Anthony Giddens Concept of Ontological Security, the Problem of Human Motivational Grounds and the Paradoxes of Consciousness [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.kinshipstudies.org/MASociology/CEU.OntologicalSecurityPaper.pdf>].
11. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary>
12. Дэвид Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: В 2 т. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary>
13. http://www.sagepub.com/upm-data/13300_Glossary.pdf
14. Мамедова Н.М. Гражданское общество и процессы идентификации личности // *Государство – власть – безопасность*: Сб. науч. ст. Ч. 2. Омск, 2007. С. 25–36.
15. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е.В. Якимовой // *Современная теоретическая социология*: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / Под ред. Ю.А. Кимелева. Сер. «Социология». М.: ИНИОН РАН, 1995. 155 с.
16. Epstein N. Explaining the War on Terrorism from an Ontological-Security Perspective// *Mit International Review*. 2007. P. 13–19 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.mit.edu/MITIR>
17. Грин С., Хансен Ф.С. России и поиски онтологической безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.carnegie.ru>
18. Гидденс Э. Последствия модерна / Пер. с англ. Г.К. Ольховникова; Д.А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. 352 с.
19. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 384 с.
20. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории: Пер. с нем. СПб.: Наука, 2007. С. 648.
21. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // *Мир России*. 2003. № 1. С. 3–35.
22. Луман Н. Понятие риска // *THESIS*. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
23. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // *Социологические исследования*. 2001. № 2. С. 3–12.

THE CONCEPT OF SECURITY IN WESTERN MODERN TIMES SOCIOLOGICAL THEORIES

O.S. Elfimova

The present article examines the theoretical-methodological approaches to the research of the security concept. Basing on the analysis of “late Modern” theoretical concepts the author introduces the concept of ontological security developed by A. Giddens and uncovers the ideas of security, trust, and risk in the works of U. Beck, N. Luhmann and P. Sztompka.

Keywords: modern, security, ontological security, existential security, trust, risk.